MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

№4 (4) 2023

ISCA

www.isca.kz

ISSN: 2707-4870

INTERNATIONAL SCIENCE COMPLEX ASTANA

ASTANA INTERNATIONAL UNIVERSITY

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 4 (4) 2023

Astana 2023

EDITOR-IN-CHIEF:

PhD, Assistant Professor
Kariyev E.M.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac Aleksandar	PhD in History (Serbia)
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine Hiroyuki	PhD in History (Japan)

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: Astana International University
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

CONTENT

С.С. Иванов ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИТЯНЬШАНЬЯ В IV-III ВВ. ДО Н.Э. …….....5

Н.Н. Әбдінасыр МАЖАР ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ ОРТА АЗИЯ МЕН ҚАЗАҚСТАН ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІ ТУРАЛЫ ЗЕРТТЕУІ ……..17

Р.Д.Темиргалиев ДЖУЧИ-ХАН – ПРАВИТЕЛЬ ДЕШТ-И КИПЧАКА …….....23

Ж.Е.Күзембаев ОРТАҒАСЫРЛАРДАҒЫ ӘДЕБИ ЖАЗБА МҰРАЛАР …….…....42

ДЖУЧИ-ХАН – ПРАВИТЕЛЬ ДЕШТ-И КИПЧАКА

Радик Джексенбаевич Темиргалиев
r.temirgaliev78@gmail.com

Аннотация. Рассматривается деятельность старшего сына Чингисхана Джучи в последние годы его жизни. Анализируются сложности взаимоотношений Джучи с отцом и братом. Подвергаются критике нашедшие широкое отражение в историографии сведения Рашид-ад-Дина о демарше Джучи в период среднеазиатской кампании. Исследуются подробности завоевания монголами Дешт-и Кипчака и выдвигается версия об участии Джучи в битве на Калке. Большое внимание также уделено статусу и положению Джучи в правящей элите Монгольской империи, правомерность применения по отношению к нему ханского титула. Исследуются различные версии гибели Джучи.

Ключевые слова: Джучи, Чингисхан, Чагатай, Дешт-и Кипчак, битва на Калке.

ВВЕДЕНИЕ

Биография старшего сына Чингисхана Джучи продолжает оставаться относительно малоисследованной темой в истории Монгольской империи. Историки приходят к противоречивым выводам по поводу роли Джучи в ходе монгольских завоеваний, его формальном статусе и реальном положении в имперской правящей элите. Во многих трудах Джучи упоминается фрагментарно, лишь в связи с его взаимоотношениями с отцом и братьями.

В первую очередь, подобное положение объясняется тем, что в источниках преимущественно освещались события эпохи становления Монгольской империи, в которых принимал участие сам Чингисхан. Джучи же часто по поручениям отца занимался решением особых задач, находясь вне мест основных военных действий и подолгу отсутствуя в верховной ставке, где принимались судьбоносные политические решения. Сложившаяся в источниках картина получила соответствующее отражение в научных трудах.

Данная ситуация не вполне справедлива, поскольку объективно Джучи внес весьма существенный вклад в образование Монгольской империи и фактически заложил фундамент нового государства, вошедшего в историю под названием Улус Джучи (Золотая Орда). Для истории Казахстана политическая деятельность и военные походы Джучи имеют даже большее значение, нежели свершения других представителей монгольской элиты. Во-первых, территория Улуса Джучи в 20-х гг. XIII в. по большей части совпадала с территорией современного Казахстана. Во-вторых, именно Джучи стал основоположником династии, осуществлявшей политическое управление на территории Казахстана вплоть до XIX в.

Наделение Джучи собственным улусом произошло еще в 1207 г. После бескровного подчинения «лесных народов» Чингисхан высоко оценил заслуги царевича: «Ты старший из моих сыновей. Не успели выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и

лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство»[Сокровенное… 1941: 175].

При последующем распределении подданных Чингисхан вновь публично подчеркивает высокий статус своего первенца («Чжочи – мой старший наследник»), дав ему 9 тысяч юрт. Второй сын Чагатай получает 8 тысяч юрт, третий сын Угэдэй – 5 тысяч юрт, младший сын Толуй – 5 тысяч юрт [Сокровенное… 1941:175-176].

Джучи принимает активное участие в войне против Цзинь в 1213 г., возглавляет карательную акцию против восставших кыргызов в 1218 г., вместе с Субэдэем руководит походом на меркитов, бежавших в Дешт-и Кипчак, где произошло также первое сражение с войсками хорезмшаха Мухаммада. К 1219 г. перед походом на Среднюю Азию, Джучи является уже одним из самых авторитетных представителей знати юной империи. В глазах многих монголов именно он является законным преемником отца. Таковым, безусловно, он воспринимает себя и сам.

Но второй сын Чингисхана – Чагатай – имел кардинально иное мнение по этому вопросу и был полон решимости вмешаться в вопрос престолонаследия. Правда, сам он вследствие склонности к показательной жестокости не пользовался большой популярностью при дворе и в войсках. Трезво оценивая ситуацию, он планировал добиться утверждения официальным наследником Угэдэя, на которого имел большое влияние. Единственным, но сильным козырем Чагатая были давние сомнения в законнорожденности Джучи, появившегося на свет после пребывания ханши Борте в плену у меркитов. Для того чтобы не допустить старшего брата к власти, Чагатай был готов прилюдно оскорбить мать и напомнить о позоре отца.

В преддверии похода на Хорезм фаворитка великого хана татарка Есуй, возможно, с подачи Чагатая, подняла вопрос о престолонаследии, напомнив повелителю о бренности и скоротечности жизни. «Даром что Есуй – женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили!», – гневно сказал Чингисхан и обратился к Джучи, чтобы услышать его мнение [Сокровенное… 1941: 183].

«Не успел Чжочи открыть рта, как его предупредил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена? При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадая за ворот, говорит: «Родитель государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только свирепостью одной ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!» И Чжочи с Чаадаем ухватились за вороты, изготовясь к борьбе. Тут

Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали – Чаадая, и разнимают», - так передает источник разразившуюся сцену выяснения отношений между старшими сыновьями великого завоевателя [Сокровенное… 1941: 183].

«Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!» - сказал сыновьям хан, но в итоге поддержал выдвинутое Чагатаем предложение объявить наследником Угэдэя [Сокровенное… 1941: 185]. Тем более что предварительно Джучи отказался от борьбы, сам заявил о готовности признать официальным преемником младшего брата.

Внешне ханское решение выглядело компромиссом, но всем было понятно, что это была победа Чагатая, добившегося своей цели. Как отец, как мудрый политик Чингисхан должен был смягчить болезненное падение для старшего сына. Перед началом похода Джучи была обещана львиная доля новых земель, которые еще только предстояло покорить, и пожалован высокий титул.

Описывая последующие события, Джувейни применяет к Джучи титул Улус-иди (правитель Улуса). Рашид-ад-Дин, используя сведения Джувейни, ошибся, решив что таково было имя одного из монгольских военачальников, которого, в свою очередь, В.В. Бартольд идентифицировал с тысячником Джида-нойоном [Бартольд 1963: 448]. Дж. Э. Бойл предположил, что титул Улус-иди был присвоен Джучи уже после смерти, во избежание упоминания его настоящего имени, как это произошло и в случае с младшим сыном Толуем, получившим посмертный титул Улуг-нойон [Джувейни 2004: 557].

В сочинениях ан-Насави, Плано Карпини, Бенедикта Поляка, т.е. авторов самых ранних источников, получавших сведения у живых свидетелей тех событий, Джучи фигурирует под ханским титулом, что явно не могло быть простой случайностью. Р.Ю. Почекаев, отмечая этот примечательный факт, предполагает, что «ханский титул мог быть присвоен ему вскоре после его смерти либо самим Чингис-ханом, либо его преемником Угэдэем…» [Почекаев 2007: 41].

Однако, исходя из логики событий, дарование ханского титула, скорее всего, было прижизненным. Признание особых заслуг перед империей после кончины в качестве жеста, имеющего большое моральное значение для потомства Джучи, конечно, тоже было возможным, но в 1219 г. такое решение было гораздо более актуально. Вкупе с пожалованными обширными новыми землями ханский титул стал компенсацией для Джучи, позволив в то же время «сохранить лицо» верховному правителю. Вполне обоснованным в этом плане представляется мнение В.В. Трепавлова, что Джучи по своему формальному статусу был признан младшим соправителем Чингисхана [Трепавлов 1993: 86].

Понимая, что конфликт между сыновьями остается неисчерпанным, Чингисхан в начале войны поставил перед ними разные задачи. Чагатай и

Угэдэй получили указание овладеть Отраром. Джучи с несколькими туменами должен был захватить города, расположенные вниз по Сырдарье. Другой монгольский отряд под командованием Улак-нойона, Сюкетю-черби и Тахая направился вверх по течению реки по направлению к Бенакенту и Ходженту. Чингисхан и Толуй с главными силами выступили на Бухару.

Оценивая ход кампании и действий монгольских войск в 1219-1220 гг. в Присырдарьинском регионе, следует отметить, что наибольших успехов добился именно Джучи. Чагатай и Угэдэй потратили полгода на взятие одного Отрара, хотя в их оправдание можно отметить, что гарнизон этого города был предварительно серьезно усилен хорезмшахом Мухаммедом. Улак-нойон, Сюкетю-черби и Тахай, взяв Бенакент, так и не сумели нейтрализовать правителя Ходжента Темир-Малика, вырвавшегося с войсками и отступившего вниз по Сырдарье.

Осенью 1219 г. Джучи подступил к Сыгнаку. Обложив город, монголы направили к сыгнакцам в качестве своего парламентера местного уроженца Хусейна-хаджи с предложением капитулировать без боя. Выслушав требования, сыгнакцы убили посланника и тем подписали себе приговор: «Когда Улуш-иди получил это известие, он повернул свои знамена против Сугнака и воспламененный огнем гнева, бился без отдыха от рассвета до заката. Семь дней сражались они под его началом и взяли город штурмом, закрыв двери прощения и милосердия, и, мстя за жизнь одного-единственного человека, вычеркнули из книги жизни почти всех его жителей» [Джувейни 2004: 458]. Утолив гнев, Джучи назначил наместником почти дотла разоренного Сыгнака сына покойного Хусейн-хаджи, который должен был восстановить город, собрав уцелевших жителей.

В изложении Джувейни напуганные участью Сыгнака жители Узгенда и Барчкенда подчинились монголам без боя. Однако, по информации Плано Карпини, в Барчкенде войска Джучи все же столкнулись с определенными затруднениями: «А один город, по имени Бархим, долго противился ему; именно они сделали большие рвы вокруг города и закрыли их, а когда те подходили к городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города, раньше чем заполнили те рвы»[Путешествия… 1957: 46]. Отчаянное сопротивление монголам пришлось преодолеть также в Ашнасе, «гарнизон которого, состоявший по большей части из отъявленных мерзавцев и негодяев… сражался очень храбро, так что большая его часть погибла мучительной смертью» [Джувейни 2004: 58].

Джучи не мог также оставить без внимания и расположенные поблизости другие стратегически важные города и крепости (Сауран, Ясы, Баладж и др.). По всей видимости, отсутствие сведений об их захвате в источниках было связано со слабым сопротивлением местного населения завоевателям.

Главным укрепленным пунктом Туркестана в тот момент был Дженд, где и находилось большое войско под командованием одного из представителей

кипчакской знати Бучи-Пахлавана, по прозвищу Кутлук-хан. Побоявшись выступить на выручку оказавшимся под ударами городам, он не решился обороняться и в Дженде, бежав в Ургенч еще до прихода монголов.

В апреле 1220 г. посланец Джучи Чин-Тимур прибыл в Дженд, где вступил в переговоры с местными жителями. С подачи некоторых горожан его также хотели убить, но Чин-Тимур напомнил, какими последствиями обернулось убийство Хусейн-хаджи для жителей Сыгнака, и ему позволили покинуть город живым.

Джучи не рассчитывал на сопротивление джендцев после бегства Кутлук-хана и, даже не подступая к городу, направлялся на весенние пастбища в Приаральские Каракумы [Джувейни 2004: 59]. Чтобы откормить отощавших и изнуренных в ходе зимней кампании лошадей, лучшего места поблизости было не найти. Как отмечают авторы «Историко-культурного атласа казахского народа», «несмотря на кажущуюся безжизненность пространства пустынь, они представляют собой более удобные пастбища для кочевника-скотовода, чем степные солончаки. В песках легко можно было рыть неглубокие колодцы и благодаря этому обеспечивать свои стада питьевой водой, тогда как в засоленной почве степей найти пресноводные источники очень трудно. Вместе с тем в Каракумах произрастают многие виды питательных растений, таких как чагыр (Artemisiainodora), сюттуген (Euphorbia), кияк (Ammodendron), саксаул и другие, служащие отличным кормом для домашних животных» [Историко-культурный…2011:141-142].

Полученные от Чин-Тимура вести вынудили Джучи развернуть войска и идти к городу. Джендцы закрыли ворота, но защищаться побоялись. 21 апреля 1220 г., подойдя к городу, монголы, спокойно приставив лестницы, поднялись на стены, не потеряв ни одного человека. Вследствие этого город был пощажен, и Джучи приказал казнить лишь несколько человек, на которых указал Чин-Тимур. Наместником города был назначен бухарец Али-Ходжа.

Там же под Джендом Джучи с помощью построенного понтонного моста остановил флотилию баркасов Темир-малика, доставившего много хлопот монголам при Ходженте. Разгром этого отряда хорезмийской армии ознаменовал окончательный переход всего Присырдарьинского региона под контроль монголов. Направив один тумен для захвата Янгикента, который также оказал сопротивление, Джучи все же увел свои войска на отдых в Каракумы.

До осени 1220 г. Джучи практически не принимал участия в крупномасштабных военных действиях, занимаясь упрочением своей власти в Туркестане и подавляя вспышки сопротивления. Так, на Янгикент совершил набег уцелевший Темир-Малик, убив назначенного монголами наместника [Джувейни 2004: 62]. Затем поднял мятеж рекрутированный и направленный в Хорезм туркменский тумен [Джувейни 2004: 60].

Осенью 1220 г., после взятия Самарканда, первые монгольские части под началом Чагатая и Угэдэя стали стекаться к Ургенчу. В декабре 1220 г. - январе 1221 г. к Ургенчу с севера подступили войска Джучи. По всей видимости, на него Чингисханом было возложено общее командование войсками, поскольку до того момента монголы не предпринимали никаких действий: не вступали в переговоры, не пытались провести разведку боем, не начинали осады.

Джучи, уже считающий Хорезм частью своего улуса, как обычно направил к горожанам посланцев с ультиматумом: «Он послал к ним (жителям Хорезма) людей, предупреждая их и предостерегая, и обещал им пощаду, если они сдадут его (Хорезм) без боя, и сказал, что Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя. Об этом будто бы свидетельствует то, что за время своего пребывания вблизи от него (Хорезма) это войско не предпринимало набегов на его сельские местности, отличая Хорезм от других областей большей заботой и большей милостью, опасаясь за него, чтобы он не стал жертвой судьбы ущерба и чтобы его не достигла рука уничтожения» [Насави 1996: 132].

Однако предложение было отвергнуто, и началась осада города, длившаяся несколько месяцев. Главной причиной затянувшейся кампании стал новый конфликт между братьями: «Когда осадили они то место, то взять его не удавалось по причине несогласия его [Джучи-хана] с Чагатаем» [Рашид-ад-Дин1960: 78]. Вероятно, Чагатай вновь демонстративно отказался подчиняться Джучи. В итоге Чингисхан был вынужден переподчинить старших сыновей Угэдэю. «Сокровенное сказание» об этом же эпизоде повествует более туманно: «Когда Чжочи, Чаадай и Огодай, донося Чингис-хану о том, что наши войска сосредоточены у города Урунгечи, просили указаний, под чьей командой им состоять, Чингис-хан ответил им, что следует им состоять под командой Огодая» [Сокровенное… 1941: 187].

После взятия Ургенча информация о биографии Джучи в источниках существенно разнится, и, соответственно, такие же различия содержатся в научной литературе. Значительная часть историков, излагая ход событий, основывается на сведениях Рашид-ад-Дина. Согласно «Сборнику летописей», весной 1221 г. Чингисхан сумел овладеть крепостью Таликан. В это же время к отцу прибыли и все сыновья, кроме Джучи: ,«Тулуй-хан прибыл и в знак преданности преподнес ему [отцу] дары. Через небольшой промежуток времени из Хорезма прибыли Чагатай и Угэдэй и также преподнесли дары. Джочи же из Хорезма ушел к своим обозам [угрукха]» [Рашид-ад-Дин 1952: 219]. В Повествовании о Джучи-хане Рашид ад-Дин также излагает данную историю: «Чагатай и Угедей направились к отцу и прибыли к [нему] к крепости Таликан. А Джучи-хан через Хорезм направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам. [Еще] раньше Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные

страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему моей милости» [Рашид-ад-Дин 1960: 78-79]. Таким образом, читателю, должно быть, совершенно ясно, что Джучи, бросив своего отца и братьев на чужбине в самый разгар войны, игнорируя приказы, фактически стал государственным изменником.

«Сокровенное сказание» и «История завоевателя мира» Джувейни полностью опровергают сведения Рашид-ад-Дина. Данные источники вызывают больше доверия, поскольку были составлены гораздо раньше на основании свидетельств участников и очевидцев тех событий. К примеру, касательно «Истории завоевателя мира» В.В. Бартольд отмечал: «Огромное преимущество Джувейни перед Рашид-ад-Дином заключается в том, что он жил в эпоху единства монгольской империи и лично посетил Туркестан, Уйгурию и Монголию. В своем рассказе он старался, насколько это позволяли его источники, изложить историю всей империи» [Бартольд 1963: 41].

Еще одним и весьма существенным недостатком сочинения Рашид-ад-Дина была его очевидная политическая пристрастность и необъективность в отношении Джучи и его потомков как принципиальных противников Хулагуидов, при дворе и по заказу которых был написан «Сборник летописей».

К сожалению, отсутствие цельного перевода на русский язык до недавнего времени труда Джувейни привело к тому, что чаще всего историки постсоветского пространства в своих работах опирались на информацию, изложенную Рашид-ад-Дином.

Именно Джучи назначил наместником Хорезма своего верного сторонника Чин-Тимура [Джувейни 2004: 343]. Его заместителем и казначеем стал личный секретарь Джучи – Коргуз [Джувейни 2004: 350]. Эти распоряжения в последующем оставались в силе, что четко демонстрировало, чьим владением считался Хорезм. Вряд ли администраторам удалось бы сохранить свое положение, если Джучи действительно перестал бы подчиняться распоряжениям верховного правителя.

В отличие от Рашид-ад-Дина основной монгольский источник рассказывает о недовольстве Чингисхана всеми тремя сыновьями, участвовавшими во взятии Ургенча: «Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодай, взяв город Орунгечи, поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингис-хана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингис-хан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадая, ни Огодая. Тогда Боорчу, Мухали и Шиши-Хутуху стали ему докладывать: «Мы ниспровергли непокорствовашего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингис-ханово: и взятый город Орунгечи и взявшие его и делившиеся царевичи. Все мы, и люди твои и

кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь осознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы не расслабить тебе воли царевичей. Не признаешь ли ты за, благо, государь, теперь принять царевичей!» Когда они так доложили, Чингис-хан смягчился и повелел Чжочию с Чаадаем и Огодаем явиться и принялся их отчитывать. Он приводил им древние изречения и толковал старину. Они же, готовые провалиться сквозь землю, не успевали вытирать пота со лбов своих. До того он гневно стыдил их и увещевал. Тут обратились к Чингис-хану стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган: «Государь! Царевичи еще ведь только обучаются бранному житью наподобие тех серых соколов, которых только еще начинают пускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом? Не впали бы они со страху в нерадение. А ведь у нас – всюду враг от заката солнца и до восхода его. Направил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, направил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что за народ такой? А есть, говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!». Когда они так, докладывали, государь все возражал, но при этих последних словах смягчился Чингис-хан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими…» [Сокровенное… 1941: 188].

Думается, вопрос раздела добычи, либо имел второстепенное значение, либо вовсе был вымыслом автора «Сокровенного сказания», не желавшего, как уже было отмечено выше, чрезмерно акцентировать внимание на распрях между братьями во время взятия Ургенча. Элементарная логика подсказывает, что ярость Чингисхана должна была быть вызвана прежде всего болью отца из-за продолжающихся разногласий среди сыновей.

Освещая последовавший через некоторое время разгром Чингисханом армии Джелал ад-Дина, героически боровшимся с монголами, но все же потерпевшим поражение в решающем сражении на Инде, Джувейни приводит следующий эпизод: «Когда монголы увидели, как он (Джелалад-Дин – Р.Т.) бросился в реку, они собирались было прыгнуть за ним, но Чингисхан удержал их. В изумлении он приложил руку к губам и несколько раз повторил своим сыновьям: «Таким сыном может гордиться любой отец» [Джувейни 2004: 92]. Это был прямой упрек собственным сыновьям и еще одно отражение отцовской обиды распрями детей.

Джучи слов восхищения отца Джелал ад-Дином не слышал. Он в это время сражался с кипчаками. После выволочки, устроенной сыновьям, Чингисхан решил снова отделить первенца, поручив ему возглавить поход в Дешт-и Кыпчак. По сути, это была почетная ссылка на периферию войны и еще одна победа Чагатая. Находясь в течение длительного времени вне Орды,

в отличие от братьев, Джучи, соответственно, был существенно ограничен в возможности оказывать серьезное влияние на принятие важных решений.

Тот факт, что Джучи, выполняя повеление отца, направился в поход на Дешт-и Кипчак, подтверждается целым рядом источников. «Одного из своих сыновей по имени Тоссука, которого также называли кан, то есть императором, он послал с войском против Команов, которых тот победил в продолжительной борьбе; а после того как он их победил, он вернулся в свою землю», - писал Плано Карпини [Путешествия… 1957: 41]. «Туши и Чагатай, управившись с делами хорезмскими, обратились наКипчак и Туркестан, покорили и заполонили одно за другим войска и племена кипчакские и подчинили все (эти) племена своей власти», – повествовал Джузджани, правда, ошибочно приписывая к этим событиям Чагатая [Джузджани 2010: 97]. Поздний источник в лице Абулгази сообщает следующие подробности: «… Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дашт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков. Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на [все] четыре стороны. Большинство из них ушло в юрт Черкесов и Туманов» [Родословная… 1958: 11].

Подавляющее большинство историков, описывавших действия Джучи в 1221-1223 гг., полагает, что он вел боевые действия против местных племен на территории Восточного Дешт-и Кипчака, т.е. в пределах современного Казахстана. Между тем источники позволяют уверенно утверждать, что Джучи не только продвинулся западнее Волги, но и принял самое деятельное участие в знаменитом сражении на Калке.

Прямые сведения об этом были оставлены Бенедиктом Поляком: «Третье же войско, которое пошло на запад с Тоссук-каном, сыном Чингиса, покорило сперва землю, которая зовется Теркемен, во-вторых бисерменов, затем – кангитов, [и] наконец они вторглись в землю Куспкас, то есть Команию. А команы, объединившись со всеми русскими [князьями], бились с тартарами между двумя ручейками – название одного из них Калк, а другого Кониуззу, то есть «вода овец», ведь *кони*по-тартарски означает на латыни oves (овцы), а *уззу* – aqua (вода), и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении. Итак, когда тартары их победили, то возвратились в свою землю и на обратном пути захватили некоторые земли на севере, а именно бастархов, то есть Великую Венгрию которая соседствует с морем-океаном на севере» [Христианский… 2002: 108-109].

Данное сообщение обычно признается ошибочным. К примеру, А.Г. Юрченко, комментируя этот отрывок, отмечает, что «многолетняя легендарная экспедиция Джучи – не что иное, как сублимированный итог

монгольских завоеваний в северо-западном направлении… Ни Джучи, ни его сын Бату в битве на Калке не участвовали» [Юрченко 2002: 134].

Однако в других источниках также содержатся сведения, которые подтверждают факт продвижения войска Джучи в степи Западного Дешт-и Кипчака и его участие в столкновениях с русскими и булгарами. К примеру, Джузджани упоминает, что сын Джучи Берке родился в тот момент, когда «войско его (Туши) находилось в землях саксинских, булгарских и саклабских (т.е. славянских – Р.Т.)» [Джузджани 2010: 101].

В сочинении Джувейн, нет сведений о сражении монголов с русскими и кипчаками на Калке, о вторжении в Крым, Булгарию и т.д., но, рассказывая о походе Субэдэя и Джебэ, он пишет, что после Дербента они объединились с Джучи: «Армия Туши располагалась в Кипчакской степи и рядом с ней; они соединились с нею…» [Джувейни 2004: 99].

Весьма ценной в данном отношении представляется информация, содержащаяся в древнерусских источниках, описывающих события, произошедшие после разгрома основных сил русских и кипчаков на Калке: «Мьстиславъ же, Кыевьскыи князь, видя се зло, не движесясъмѣстаникамо же; сталъбобѣ на горѣнадърѣкою над Калкомь, бѣбомѣсто то камянисто, и ту угошигородъ около себе въколѣхъ, и бися с ними из города того по 3 дни. Ини же Татарипоидоша по русских князихъ, бьюче до Днѣпря; а у города того оста 2 воеводѣЦьгырканъ и **Тешюканъ**…(выделено мной – Р.Т.)» [Новгородская… 1950: 63]. Имя «воеводы» Тешюкана практически не отличается от варианта имени Джучи, фигурировавшего в мусульманских источниках чаще всего как Тушихан или Душихан.

Сведения, перекликающиеся с древнерусскими источниками, содержатся также и в «Юань-Ши». Если «Новгородская первая летопись» сообщает, что после взятия укрепленного городка в плен был взят и сам великий князь Мстислав, убитый вслед за тем мучительной казнью, то «Юань-Ши» повествует об участи русского князя Ми-Чжи-Сы (т.е. Мстислава) следующее: «Чжэбэ приказал Исмаилу представить его перед царевичем-наследником Джучи и [потом] его казнили» [Храпачевский 2005: 522].

Участие Джучи в сражении на Калке объясняет и загадку столь эффектной победы монголов. Как неоднократно отмечалось многими исследователями (в том числе и автором данной статьи), Корпус Субэдэя и Джэбэ после многочисленных и довольно упорных сражений в Иране, Закавказье, Северном Кавказе, Причерноморье должен был понести серьезные потери и уступать в численности русско-кипчакским войскам как минимум в три-четыре раза. При всей доблести монголов, безусловно, являвшихся лучшими воинами своего времени, и таланте монгольских полководцев, без существенного подкрепления одержать верх над противником при таких обстоятельствах было бы трудно. До того Субэдэй и Джэбе не сумели разбить объединенное кипчакско-аланское войско, и только интриги помогли им

разделить силы союзников и одержать победу. Многодневное отступление монголов перед сражением на Калке также легко объясняется ожиданием подхода войска Джучи.

В свете указанных фактов, думается также, что требуется пересмотр интерпретации исторических преданий мамлюков кипчакского происхождения, зафиксированных в трудах ан-Нувайри и Ибн Халдуна, где одним из главных действующих лиц является «Душихан, сын Чингизхана». Упоминание в них Джучи также считается ошибочными, как правило, эти события связываются с его сыном Бату. Как было отмечено Ж.М. Сабитовым, эти предания также перекликается со сведениями Юлиана и данными башкирского шежире, где речь идет о периоде времен жизни Чингисхана, а соответственно, и Джучи [Сабитов 2015: 177].

Подтверждается отсутствие Джучи в степях Восточного Дешт-и Кипчака и ходом событий в Центральной Азии в это время. Зиму 1222-1223 гг. Чингисхан провел в окрестностях Самарканда, «откуда послал гонца к старшему своему сыну Туши с приглашением покинуть Кифчакскую степь и приехать позабавиться с ним охотой (главным образом на диких ослов)» [Джувейни 2004: 74].

Но Джучи не смог откликнуться на это приглашение. Не принял он также участия в курултае, устроенном весной 1223 г. на Сырдарье у Бенакента. Если бы Джучи находился в Восточном Дешт-и Кипчаке, то провел бы зиму в привычных местах зимовий местных кочевников: на берегах Сырдарьи, в Жетысу (Семиречье), Мангыстау - и сумел бы буквально в течение нескольких дней прибыть к отцу. Неучастие в курултае без уважительных причин являлось серьезным проступком. Но никаких санкций не последовало именно потому, что у Джучи были веские причины, и Чингисхан знал о них.

Джучи прибыл к отцу лишь летом 1223 г., когда Чингисхан находился в Жетысу, в местности Кулан-баши. В казахской степи у монголов уже не было серьезных противников, потому войска Джучи идут не походным строем, а широкой облавной дугой, вытянутой на десятки километров, загоняя в нужном направлении многочисленные стада куланов: «По приказу отца он пригнал из Кипчакской степи стада диких ослов, подобно множеству овец. Рассказывали, что в пути копыта диких ослов истерлись, и их подковали лошадиными подковами. Когда они подошли к городу, называющемуся Утука, Чингисхан, его сыновья и солдаты сели верхом на коней и чтобы развлечься, погнали диких ослов перед собой. Они начали их преследовать, но ослы были так изможденны, что их можно было взять голыми руками. Когда охота их утомила и остались только тощие животные, каждый заклеймил пойманных им ослов собственным тавром и отпустил на волю» [Джувейни 2004: 95]. Эта грандиозная охота стала основой для возникновения известной степной легенды и музыкального произведения «Ақсақ қулан».

По всей вероятности, именно в Кулан-баши Джучи окончательно понимает, что никакие подвиги не помогут ему восстановить свое положение. Решение Чингисхана не подлежит пересмотру. Старший сын должен остаться в Дешт-и Кипчаке. Сложно судить, насколько подобный исход соответствовал желаниям самого Джучи.

По мнению Джузджани, Джучи страстно желал этого, поскольку был очарован кипчакскими степями: «Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [Джузджани 2010: 97].

В «Алтан Тобчи», напротив, описывается разочарование Джучи, заявляющего дающему наставление Богурчи:

- «Когда обладающий счастьем владыка сказал, чтобы ты наставлял [меня],
- То я ждал, что ты скажешь, как дойти до народа еще неизвестного,
- Как собрать воедино народ, еще не собранный,
- Как расширить свои земли,
- А ты наставляешь меня, как управлять народом, уже собранным.
- Как потреблять уже приготовленную пищу –
- Этому ты наставляешь меня!»

В дело приходится вмешиваться самому Чингисхану, убеждающему сына смириться [Лубсан 1973: 231].

Разумеется, Джучи после своих ратных подвигов, мог питать надежду, что отец пересмотрит свое решение и вернет сына ко двору. Но он получал довольно щедрые «отступные», более чем кто-либо из сыновей. Бескрайние пастбища кипчакской степи для монголов были гораздо привлекательнее, нежели самые богатые земледельческие регионы.

В этой связи требует рассмотрения вопрос территории Улуса Джучи и месторасположения его ставки. К сожалению, целый ряд историков в своих трудах, отвечая на этот вопрос, опирается на Рашид-ад-Дина, отмечавшего: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану… Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства» [Рашид-ад-Дин 1952: 78].

Однако данная информация напрямую связана с версией о демарше Джучи после взятия Ургенча и, соответственно, является отражением заведомо пристрастной позиции Рашид-ад-Дина, полностью отрицавшего какие-либо заслуги и значение Джучи в ходе монгольских завоеваний. Ему было необходимо дискредитировать родоначальника враждебной династии, чтобы посеять сомнения в легитимности территориальных притязаний его

потомков. Для этого кочевья Джучи перемещаются на страницах «Сборника летописей» как можно дальше, на берега Иртыша и Алтай[3].

Даже просто с учетом потребностей кочевников в зимовьях, расположенных в более теплых районах, в торговом обмене с оседлым населением данная информация порождает определенные сомнения. Тем более что историки располагают сведениями Джувейни, отмечавшего следующее: «Своему старшему сыну Туши он отдал область, простирающуюся от Кайялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня» [Джувейни 2004: 30].

Каялык (городище Койлык) был расположен на территории современной Алматинской области, неподалеку от города Талды-Корган. Саксин и Булгар находились в Поволжье. Соответственно, территория Улуса Джучи простиралась от берегов реки Лепсы в Жетысу до Урала, включая территорию Хорезма.

Главная (зимняя) ставка самого Джучи находилась в Жетысу, неподалеку от Каялыка. Явно описывая Балхаш (который тюрки считали не озером, а морем именуя его Кокча-Тенгиз, т.е. «Синее море») по пути в Монголию, Плано Карпини отмечал: «По берегам этого моря мы ехали довольно много дней; это море имеет довольно много островков, и мы оставили его с левой стороны. Земля же изобилует многими реками (реки Жетысу – Р.Т), но небольшими; на берегах рек с той и другой стороны стоят леса, но необширные. В этой земле живет Орду (старший сын Джучи – Р.Т.), старший надБату; мало того, он древнее всех князей татарских; **там имеется также орда, или двор, его отца** (выделено мной – Р.Т), в котором живет управляющая им одна из его жен» [Путешествия… 1957: 73].

Находясь в Жетысу, Джучи мог эффективно взаимодействовать с верховным правителем и в кратчайшие сроки в случае необходимости прибыть со своими силами на территорию Монголии или Северного Китая.

Тот факт, что ставка Джучи перешла во владение его старшего сына Орда-Эджена, был зафиксирован и в сочинении Абулгази, который, касаясь событий, произошедших после окончания похода в Европу в 1243 г., писал: «Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте, сказал Орде, по прозванию Ичен, старшему из сынов Джучи-хана: «Поскольку в этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, то в уделе тебе остается народ, состоящий из пятнадцати тысяч семейств, в том месте, где жил отец твой» [Родословное… 1906: 159].

В дальнейшем эта территория продолжала оставаться в руках потомков Орда-Эджена. Описывая местопребывание Кунгкырана – сына Орда-Эджена,

[3] Ж.М. Сабитов с которым данная статья обсуждалась в процессе подготовки заметил, что по сути, Рашид-ад-Дин поселяетДжучи в местах его первых владений, полученных до Западного похода.

Джувейни отмечал, что он «находился в окрестностях Каялыка, а его войско занимало земли вплоть до области Отрара» [Джувейни 2004: 423-424].

Летние кочевья Джучи с определенной долей гипотетичности можно локализовать в районе Улытауских гор, где сохранился старинный мавзолей, носящий его имя и упоминаемый в письменных источниках с XVI в. Правда, современный исследователь данного историко-культурного памятника Ж. Егинбайулы, полагает, что «погребения в мавзолее сделаны… не раньше XIV в., когда правящая верхушка улуса Жошы-хана приняла ислам…». Тем не менее, он также отмечает, что «Жошы-хан, скорее всего, был погребен в свое время в «тайном» погребении, положившим начало ханскому коруку на Улытау» [Егинбайулы 2001: 104].

Факт гибели Джучи на территории Улытау был также отмечен в «Чингиз-наме»: «Йочи-хан был старшим из его сыновей. Он [Чингизхан] дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал [ему также] вилайет Хорезма. Когда Йочи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчака, он достиг Улуг-Тага, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо марал-кийиков. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер» [Утемиш-хаджи 1992: 91].

Приведенная Утемиш-хаджи версия гибели Джучи-хана вследствие несчастного случая во время охоты была основана на народных преданиях, что, в принципе, не является поводом ее игнорировать. Подобные случаи происходили довольно часто. Сам Чингисхан незадолго до смерти упал с коня, после чего уже не смог оправиться.

Однако заслуживает внимания и версия насильственной гибели, отраженная в одном из самых ранних источников: «В ум его (Джучи – Р.Т) стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: «Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам». Проведал о таком замысле брат его Чагатай и известил отца об этом изменническом плане и намерении брата. Узнав (это), Чингиз-хан послал доверенных лиц своих отравить и убить Туши»[Джузджани 2010: 97].

Эти сведения Джузджани находят подтверждение и в «Алтан Тобчи» [Лубсан 1973: 293]. Правда, в тексте, как было справедливо отмечено Р.Ю. Почекаевым, ЛубсанДанзан допустил ошибку, спутав двух братьев и рассказав об отравлении по приказу Чингисхана Чагатая [Почекаев 2007: 43]. Последний, как известно, пережил своего отца.

В свою очередь, Рашид-ад-Дин, с одной стороны делая все, чтобы дискредитировать Джучи, в итоге все-таки говорит о его естественной смерти: «После этого (ухода из Хорезма – Р.Т.) Чингиз-хан еще несколько раз

приказывал вызвать его к себе, но [тот] из-за болезни не приезжал и приносил извинения. Затем [однажды] какой-то человек из племени мангут проезжал через пределы юрта Джучи; а Джучи, перекочевывая, шел от юрта к юрту и таким же больным достиг одной горы, которая была местом его охоты. Так как сам он был слаб, то послал охотиться охотничьих эмиров. Когда тот человек увидел это сборище охотившихся людей, то подумал, что это [охотиться сам] Джучи. Когда он прибыл к Чингиз-хану и тот спросил его о состоянии болезни Джучи, то он сказал: «О болезни сведений не имею, но на такой-то горе он занимался охотой…». По этой причине воспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что [Джучи], очевидно, взбунтовался, что не обращает внимания на слова своего отца, он сказал: «Джучи сошел с ума, что совершает такие поступки». И приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы впереди всех отправились Чагатай и Угэдэй, и сам собирался выступить в поход вслед за ними. В это время прибыло известие о печальном событии с Джучи в … году. Чингиз-хан пришел от этого в великую печаль и огорчение, он произвел расследование, выявилась ложь того мангута и было доказано, что Джучи был в то время болен и не был на охоте. [Чингиз-хан] потребовал того человека, чтобы казнить его, но его не нашли» [Рашид-ад-Дин 1952: 79]. Несмотря на то, что Рашид-ад-Дин в заключение говорит о смерти Джучи от болезни, характер изложения обстоятельств произошедшего оставляет впечатление, что Джучи вполне заслуживал кары и мог быть убит по приказу отца. Вероятно, что автор и добивался соответствующего эффекта.

Еще один хулагуидский историк Вассаф туманно, но все же дает понять, что Джучи был убит: «Когда Джучи вернулся от Чингиз-хана, то вскоре (предпринял новый) путь, который был путем против (его) желания, в другой мир, а кроме него (этого пути) нет великой завесы» [История… 2006: 169].

Несмотря на явную пристрастность Джузджани, Рашид-ад-Дина и Вассафа, версия о насильственной гибели Джучи представляется также вполне допустимой. Поражение в конфликте с Чагатаем, обида на отдалившегося отца вполне могли побудить Джучи восстать. В свою очередь, Чингисхан, мог принять нелегкое решение пожертвовать сыном в интересах государства. Согласно «Сокровенному сказанию», лето 1224 г. Чингисхан провел на Иртыше, т.е. в непосредственной близости от кочевий Джучи. Возможно, в это время и произошла драматичная развязка.

Человеком, подославшим убийц, мог быть и Чагатай – самый жестокий член правящего дома и открытый враг Джучи. В процитированном выше отрывке Рашид-ад-Дин упоминает, что Чагатай и Угэдэй успели выступить в поход на Джучи, и лишь потом Чингисхан получил известие о смерти старшего сына. Джузджани говорит, что именно Чагатай донес Чингисхану о якобы имевших место недобрых замыслах Джучи.

Сам Чингисхан перед кончиной счел необходимым высказать свои опасения по поводу второго сына: «Чагатая здесь нет; не дай бог, чтобы после

моей смерти он, переиначив мои слова, учинил раздор в государстве» [Рашид-ад-Дин 1952: 232]. Не случайно всю жизнь откровенно побаивался Чагатая ставший преемником отца Угэдэй. Он лучше, чем кто-либо знал, на что способен его родной брат.

Версия с отравлением Джучи, изложенная у Джузджани и Лубсана Данзана, выглядит более предпочтительной, поскольку открытое убийство так или иначе спровоцировало бы волнения среди сторонников старшего сына Чингисхана. Тихая смерть от внезапной «болезни» сохранила мир в империи.

Сама смерть Джучи часто датируется 1227 г. Но как было отмечено К. Ускенбаем, осенью 1225 г., когда планировалось начать поход на тангутов, Джучи уже был мертв [Ускенбай 2013: 67].Это объясняет отсутствие сведений о деятельности Джучи после 1223 г. Он попросту не успел развернуть полноценную деятельность в качестве правителя Дешт-и Кипчака и Хорезма.

Небезынтересной, хотя и недостаточно аргументированной в этом отношении выглядит еще одна версия гибели Джучи. В.Н. Татищев в своем сочинении, описывая сражение на Калке, отмечает, что в монгольском войске «на оном бою более 100 000 побито и хана их большей сын Тосхус убит» [Татищев 1994: 218]. Я.П. Гавердовский, видимо, пытаясь совместить это указание со сведениями восточных источников и казахских народных преданий, предположил, что курултай, на котором состоялось последнее свидание Чингисхана и Джучи, предшествовал битве на Калке: «При возвращении Чингиз-хана из Персии в свое отчество, Чучий в 1223 г. имел в степи Киргизской около гор Улутау с отцом своим свидание, во время которого при большом торжестве, сопровождаемом ристаниями и знаменитою охотою, отец восстановил опять согласие с сыном, отдав все земли Дайтше-Кипчак в верховное его управление. Но Чучий недолго пользовался сим уделом, ибо в 1225 г. на сражении противу россиян и половцев был убит…» [Гавердовский 2007: 379].

Следует отметить, что привычное датирование сражение на Калке 1223 г. является условным итогом консенсуса российских историков, и есть основания полагать, что в реальности это событие состоялось позднее. Подробнее с историей научной дискуссии по этому вопросу можно ознакомиться, к примеру, в статье С.В. Цыба «Когда была битва на Калке (историография вопроса)» [Цыб 2008]. Теоретически вполне допустимо, что Джучи предпринял поход на запад после курултая в Кулан-Баши (по Джувейни) или Улытау (по Гвердовскому).

Впрочем, пока что не удалось установить источник В.Н. Татищева, и также вероятно, что указание о гибели Джучи на Калке появилось лишь вследствие недобросовестности историка, стремившегося таким образом смягчить информацию о поражении предков.

Как бы и где бы не окончил свои дни Джучи, итог его жизни стал закономерным финалом довольно трагической судьбы человека,

превратившегося из наследника престола в правителя дальнего удела, ставшего persona non grata в собственной семье. Но именно произошедшей от Джучи ветви Чингизидов было суждено оставить самый заметный след во всемирной истории.

Оставшись в памяти монголов добродушным любителем мирских утех и наименее одаренным из сыновей Чингисхана (его образ в «Алтан Тобчи») на новой родине в Дешт-и Кипчаке, он превратился в великого героя многочисленных легенд и преданий. Все правители Джучиды даже после распада Улуса Джучи воспринимали себя не главами новых государств, а продолжателями дела именитого предка, эпоха которого воспринималась в качестве «Золотого века». К примеру, отмечая достижения казахского правителя Касым-хана, Мухаммед Хайдар Дуглат писал: «Касим-хан сделался полным властелином во всем Дашт-и Кипчаке и приобрел такую известность и могущество, какого еще никто не имел после Джучи-хана…»[Материалы…1969: 222]. Это был наиболее лестный комплимент, который мог услышать в свой адрес Джучид.

Разумеется, нет никаких причин для идеализации Джучи-хана. Завоевание Дешт-и Кипчака сопровождалось массовым истреблением местного населения. «Самый добрый» из сыновей Чингисхана, был жестоким завоевателем, исходившим прежде всего из интересов Монгольской империи.

Но, подавив сопротивление разрозненных кипчакских ханов, объединив под своей единоличной властью тюрков и монголов на современной территории Казахстана, Джучи внес свою немалую историческую лепту в формирование новой этнической общности, получившей впоследствии имя казахов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Москва: Издательство Восточной литературы. 1963.

2. Гавердовский Я. П. Обозрение Киргиз-кайсакской степи (часть 1-я), или Дневные записки в степи Киргиз-кайсакской 1803 и 1804 годов // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Том V. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

3. Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. Москва: Издательский дом «Магистр-пресс», 2004.

4. Джузджани. Насировы разряды. Табакат и-Насири. Москва: Директ-Медиа, 2010.

5. Егинбайулы Ж. Археологические исследования комплекса Жошы-хана. // Отан тарихы, 2/2001.

6. Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы: Print-S, 2011.

7. История Казахстана в персидских источниках. IV том. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

8. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Москва: Наука, 1973.

9. Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIIIвв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алматы: Наука, 1969.

10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950.

11. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА; Санкт-Петербург: Евразия, 2007.

12. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Москва: Государственное издательство географической литературы, 1957.

13. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Том I. Книга вторая. Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1952.

14. Рашид-дин-Дин. Сборник летописей. Том II. Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1960.

15. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1958.

16. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Казань, 1906.

17. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т.1. Москва-Ленинград. Издательство Академии Наук СССР, 1941.

18. Татищев В. Собрание сочинений: В 8-ми томах: Т.2, 3. История Российская. Часть 2. Москва: Ладомир, 1994.

19. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. Москва: Наука, 1993.

20. Сабитов Ж.М. К вопросу о добровольном подчинении некоторых кыпчакских племен монголам в 1220-1230-ые годы. // Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М. Очерки этнополитической истории кыпчаков. Астана: Ғылым баспасы, 2015.

21. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013.

22. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992.

23. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. Москва: Издательство АСТ, 2005.

24. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. Москва: Евразия, 2002.

25. Цыб С.В. Когда была битва на Калке (историография вопроса). // Известия Алтайского государственного университета. № 4-2 / 2008.

26. Шихабад-дин ан-Насави. Сирас ас-султан Джалалад-Дин Манкбурны. Москва: Восточная литература, 1996.

27. Юрченко А.Г. Империя и космос: Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 г. Санкт-Петербург: Евразия, 2002.

Андатпа. Шыңғыс ханның үлкен ұлы Жошының өмірінің соңғы жылдарындағы қызметі қарастырылуда. Жошының әкесі мен ағасымен қарым-қатынасының күрделілігі талданады. Тарихнамада кең көрініс тапқан Рашид-ад-Диннің Орта Азия науқаны кезінде Жошы демарш туралы мәліметтері сынға алынды. Моңғолдардың Дешті және Қыпшақты жаулап алуының егжей-тегжейлері зерттеліп, Жошының Қалқа шайқасына қатысуы туралы Нұсқасы ұсынылуда. Моңғол империясының билеуші элитасындағы Жошының мәртебесі мен жағдайына, оған хан атағын қолданудың заңдылығына да көп көңіл бөлінеді. Жошының өлімінің әртүрлі нұсқалары зерттелуде.

Annotation. The article considers the activities of the Genghis Khan's eldest son – Jochi Khan during the last years of his life. The complexity of relationships Jochi with his father and brother are analyzed. The author lays strictures on Rashid al-Din's information about Jochi's demarche during the Central Asian campaign. The details of the Mongol conquest of Dasht-i Kipchak are investigated and the version on the participation of Jochi in the Battle of the Kalka is suggested. Much attention is also paid to the status and position of Jochi in the ruling elite of the Mongol Empire, to the validity of his Khan's title. Different versions of Jochi's death are investigated.